

Лит. газ. 1942, № 49, Зден.

НЕСКОЛЬКО месяцев назад решил начать я работу над сценарием художественного фильма о тюменских геологах — первооткрывателях сибирской нефти. Я взялся за сценарий не только потому, что даже беглое знакомство с историей открытия сибирской нефти не может не заинтересовать любого пишущего человека. Главное в другом.

Наверное, каждый из нас в какой-то период своей деятельности оказывается в кругу одних и тех же волнующих тем, о чем бы он ни писал. И случилось так, что интересная сама по себе судьба одного известного тюменского геолога вступила вдруг в «сцепление», совпала с занимающими меня в последние годы социально-нравственными проблемами и именно это совпадение — своеобразный резонанс — разрушило мои сомнения.

Я всегда с недоверием относился к писательским поездкам «на материал». Отдавая должное необходимой для этого способности активно вторгаться в новые жизненные сферы, я тем не менее не мог освободиться от сомнений в возможности достаточно глубокого проникновения в судьбы, события и факты, не связанные так или иначе с собственным жизненным опытом.

Чтобы иметь право писать о людях, необходимо убеждение, что ты знаешь о них не меньше, чем они сами о себе знают. Обладая временем и терпением, можно достичь этого убеждения в сочинениях исторических, при достаточном воображении оно возникает в работе над произведением, герои которого действуют в выдуманной среде. Но когда пишешь о своих современниках, волнение — поверят ли они тебе? — присутствует, по-моему, всегда.

Неудачи некоторых произведений на так называемые «производственные» темы связаны были, мне кажется, главным образом с неумением или нежеланием строить на конкретном, профессиональном материале рассказ о явлениях, волнующих всех людей, независимо от их профессий. Успех приходит, как, например, в пьесе И. Дворецкого «Человек со стороны», когда глубоко производственная коллизия, положенная автором в основу произведения, содержит в себе признаки и элементы более широких и универсальных явлений нашей действительности, становится как бы их моделью...

По этой же причине колоритная история, замешанная на фактах и событиях, имеющих, казалось бы, специфически национальную окраску, вдруг, легко преодолевая языковые, психологические и другие барьеры, становится близкой и понятной самому широкому кругу людей. В нашей стране это создает предпосылки для чрезвычайно интенсивного взаимовлияния национальных культур, так как широкий круг общественно-социальных явлений оказывается в сфере художественного интереса многих народов почти одновременно. И открытия, сделанные какой-то одной нацио-

нальной культурой, становятся достоянием всех остальных, нашей единой советской культуры.

И вот мне показалось, что факты жизни известного тюменского геолога, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии, доктора геолого-минералогических наук Фармана Салманова, невыдуманный увлекательный сюжет его восемнадцатилетней производственной деятельности в Сибири — это интересный частный случай одной емкой и чрезвычайно важной для нашего общества коллизии. Коллизии, связанной со взаимоотношениями личности и среды, в которой она существует.

Советский человек себя без коллектива не мыслит.

ожесточились споры вокруг нефтегазоносных месторождений Сибири. Противники гениальной гипотезы Губкина, еще в тридцатые годы предсказавшего в недрах Сибири огромные запасы нефти и газа, считали фонтан в Березове случайностью, так как никаких других доказательств наличия промышленных запасов нефти и газа в Сибири многолетние поиски не давали. Геологов, веривших в сибирскую нефть, это ставило в чрезвычайно сложное положение, их обвиняли в расточительстве, чуть ли не в авантюризме. Салманову предлагали остаться в Баку — тут тоже еще нужны были геологи, направляли в Башкирию, Туркмению, где, по мнению авторитетов, у моло-

веческое» содержание и почему мне кажется, что оно выходит за пределы чисто геологических проблем?

Представьте себе ситуацию, когда большая группа людей занимается одним и тем же делом. Не столь важно, что это за дело — искусство, промышленность или наука, — главное, чтобы оно, как любое человеческое занятие, было исполнено смысла, давало возможность для творческого отношения и имело уже определенные традиции. И представьте себе человека, которому начинает казаться, что дело делается не так, как следовало бы, и есть какой-то другой, более верный, более продуктивный, более интересный способ работы. Но это связано с риском для себя, для своего служебного положения, преуспеяния и т. д., ибо человек может оказаться и неправ.

У этого человека есть единомышленники. Их немного. Но и остальные коллеги не являются яростными противниками его идей (это важное обстоятельство, потому что в противном случае ситуация сразу же превращается в традиционный конфликт между «консерваторами» и «новаторами»). Некоторые считают, что в его предложениях есть резон, но еще недостаточно все проверено, чтобы приступить к их осуществлению; другие работают, как всегда работали, и ни о чем не думают; третьи уверены в том, что он, этот человек, прав и идеи у него верные, но чтобы «пробить» их в жизнь, нужно идти на больший риск (это наиболее многочисленная группа), и т. д.

Таким образом, в нашей условной ситуации «человек с идеями» окружен людьми, которые в основном относятся к его идеям одобрительно. Некоторые из них додумались до этих идей даже раньше него, но ждут (может быть, не догадываясь об этом), когда появится человек, который, пренебрегая личным благополучием, решится начать.

Все мы живем в коллективе и время от времени попадаем, мне кажется, в ситуации похожие, когда кому-то приходится первым высказать то, что уже «висит в воздухе», хотя и недостаточно проверено. Мы любим людей, способных на такие поступки. Даже если они ошибаются. Потому что, чтобы так поступать, нужно мужество, нужно чувство ответственности, нужна внутренняя свобода. Та внутренняя свобода каждого из членов коллектива, которая жизненно необходима для преуспеяния коллектива в целом. В случае же неудачи остаются в силе ранее сложившиеся коллективные установки. И в этом диалектическом единстве и непрерывных столкновениях инициативы отдельных личностей и общепринятых представлений — сила коллектива и важнейшее условие его здорового существования.

Мне дороги люди, способные всегда сохранять свою индивидуальность. Мне нравятся писать о таких людях. И потому мне хочется, чтобы мой герой был похож на Салманова, ибо он именно такой человек.

Рустам ИБРАГИМБЕКОВ

ПЕРВО- ОТКРЫВАТЕЛИ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Наиболее распространенная всегда и везде форма коллектива — семья, не утратив у нас своей силы и значения, тем не менее стала лишь одним из многих и многих коллективов, в которых проходит наша жизнь с момента рождения до самой смерти: ясли, детсад, школа, улица, на которой мы растем, институт, наконец, работа. Влияние их бесспорно даже на самых закоренелых индивидуалистов.

Так вот, в Салманове меня поразила удивительная способность, работая для коллектива (и в конкретном, и в общенародном смысле), оставаться самим собой, бескомпромиссно следовать своим убеждениям — вопреки внешним обстоятельствам, вопреки подчас очень серьезным, хотя и изживающим уже себя общепринятым воззрениям. Упорная, почти фанатическая преданность Салманова идее сибирской нефти и подчинение всего хода жизни осуществлению этой цели — следствие особого склада души, который исключает для человека возможность даже самых незначительных компромиссов.

Салманов приехал в Сибирь в 1954 году, сразу после окончания Азербайджанского индустриального института. Это были годы, когда уже забил знаменитый газовый фонтан в Березове, но еще более

дого специалиста было тогда гораздо больше возможностей для приложения своих способностей, но Салманов настаивал на Сибири. И добился своего...

В 1954 году понски нефти в Сибири велись на площадях, очень далеких от тех, которые впоследствии выдвинули ее на одно из первых мест в мире. Салманов считал, что нефтяное будущее огромного края связано с северными районами Тюменской области. И, став начальником геологической партии, он сразу же идет на несколько рискованных, даже «анархических» акций, чтобы передвинуть место базирования своей партии на тысячу с лишним километров к северо-востоку.

И потом, после того, как на шестом году поисков первый фонтан дал 240 тонн нефти в сутки (принеся Салманову заслуженную славу), геолог не стал менее инициативным, более осторожным.

Салманов — несомненно, одна из самых ярких фигур в рядах сибирских геологов, но можно назвать еще много имен не менее известных, чей путь к победам был столь же сложен.

В чем же эта сложность и какова природа конфликтов, выпавших на долю сибирских геологов, а значит, и героя моего будущего сценария? Какая общественно-социальная и нравственная подоплека этих конфликтов? В чем их «чело-